

«ЗОДИАК»
И ЕГО ГОСТИ

Литературная
страница

Евгения Серегина

КАШИРСКИЕ СЕРСЫ

Бирюзовой небесной вуалью
Прикрылись верхушки берез,
Сникнув нежно...

Их облик до слез
Полон тихой глубокой печали.

Отчего же тоскуют они,
Утопая в лучах безмятежных,
Потеряли как будто надежду,
Но на что — непонятно, увя.

А под ними живой, золотистый
Звонко льется бродяга-ручей,
А над ними поет соловей
Свои песни игриво и чисто...

Но колыхнутся плавно они,
Наклонив одинокие ветви,
Под мотив беспрютного
ветра

Засыпают они до зари...

Не понять их далекой тоски,
Не понять этой трепетной
скуки,
Расскажите, какие же муки
Вас тревожат в разгаре весны!

Образ ваш так красив
и серьезен,
Не могу не смотреть я на вас,
Повторяя уж тысячи раз,
Как прекрасны в Кашире
березы!

МОЙ ГОРОД

И вот опять стою перед тобой,
Я, как обычно, рада нашей
встрече...

День догорел, и ты встречаешь
вечер,
Рассыпав щедро звезды
над Окой.

Ты провожаешь вежливо
домой,
Мне фонари включая вдоль
дороги,

С годами ты меняешься
немногим,
Мой старый город,
вечно молодой...

Мне тяжело вдвали подолгу
жить,
Нет в сердце места городу
чужому,

Меня все время тянет ближе
к дому
Любови к тебе связующая нить...

ВЕТЕР...

Постучался в окно ко мне ветер
тревожный,
Подождал... Покружился...

И окутыв деревья навязчивой
дрожью,
Не дождавшись ответа, умчался
стрелой...

Ветер ходит, где хочет, и спит,
где придется,
То мятежно летит, то советуется
в кольцо;

Я жалею его — он в ответ мне
смеется
И опавшие листья бросает
в лицо...

А порою ворвется без стука,
без проса,
Будто нет у него поважнее
забот,

Он кружит на руках
желтоглазую осень
И листву превращает
в ковер-самолет...

Когда мечтаю о тебе вдвали,
Сжигая в мыслях
прожитое время,
Летят быстрее, незаметней дни —
Тем легче их наскучившее
время...

МЧТЫ...

Во сне я вижу милые черты,
В них — образ твой,
такой неувольнимый,
И в этот миг с небесной высоты
Волшебный свет струится
негасимый...

Пускай мой сон в сиянии мечты
Исчезнет, догорев до тла,
с рассветом,
Мне кажется, со мною рядом
ты...

И ничего прекрасней
в мире нету...
Душа поет любви моей слова,
Все повторяя будто заклинанье:
Я буду жить, пока любовь
жива,
Ведь в этом есть любой души
призвание!

Степан Васин

ТИШИНА

Когда один в пустом концертном
зале —
Как пахнет мертвечиной тишина!
На кладбище, вы помните,
бывали:

У тишины своя величина.
Там слушатель заглядывает
в душу,
А лица — будто клавиши времен,
Симфонию на мертвый зал
обрушу:

Я тишиною жизни окрылен.

ДОМ РОДНОЙ

В рубаху белую нарядится
весной,
Чуть позже — подумаются
рыбиной,
Ручьи в оврагах, тропы паутиной,
Обилие храмов над речной
волной.

Каширой дед и прадед
любовались,
Как я люблю рекой голубой,
Над ней стрижи веселье
промчались,
Я радуюсь: ведь это —
дом родной.

Годы проходят, меняется власть,
Снова Кашира церквям
поклонилась.

Яблок, я помню,
накушался влать,
Жаль только юность
к другим укатила.

Речка, сады,
по оврагам помойка,
Все, как всегда, дорога Кашира,
Дом заколоченный,
старая койка,
Кто-то навеки уходит из мира.

Много в России таких городов.
Новые власти и новый проныра.
Но не забыть мне цветенья
садов,
Я наслаждаюсь тобою, Кашира.

Анатолий Прудкин

СОЧИНИТЕЛЬСТВО

...Хотя бы Пушкин, кто он мне!
Никто!

В России каждый сочинять
умеет.
И фраер этот в кожаном пальто,
И бикса, что в его объятьях
млеет.

Такое сочинительство, увя,
До бешенства поэтов доводило,
Когда во мраке дьявольской
Москвы
Сияло звезд ночных паникадило.

И на Востоке теплилась звезда,
И шли волхвы неведомо откуда,
И целился в распятие креста
Из века двадцать первого Иуда...

...Хотя бы Пушкин, кто он мне
такой!
Курчавый. Смуглолицый.
Ясноглазый.
Стоит в Кашире молча
над Окой —
Рта не раскрыл при нем никто
ни разу...

«ТОРГОВЫЕ РЯДЫ»
В Кашире, на Стрелецкой,
у колодца,
В котором нет ни капельки воды,

Я осторожно прохожу,
как лощман, —
Фарватер не свободен
от беды,
А тут еще «Торговые ряды»!

Шатенки, и брюнетки,
и блондинки,
Общественный, увя,
ломают строй,
Для них базары,
как большие ринги,
Не победишь —
и кошелек пустой...
Закон тайги воинству святой!

Но нерушимы продавцов
шеренги,
Непобедим кавказцев
бойкий ряд,
Якуты, чукчи, русские,
эвенки...

Такой вокруг веселый
маскарад,
Что ничему на свете я не рад!

УРА!..

Ах, это кровное «Ура-а-а!»...
Ура-а... ура...
близка победа...»
Сулило много мне добра
И приносило часто беды.

Но этот клич: «Ура!...
Вперед!...»
Он и теперь от крестной силы,
А не от тех, кто так орет
Среди безмолвия России.

Ждал тебя со дня последней
встречи.
Видимо, забыла обо мне.
Мне не доставало твоей речи,
Слаще нет которой на Земле!

Звал тебя, прелестную Богиню,
Ты же проходила стороной.
Но решила вспомнить мое имя,
Ты пришла... Ты рядышком
со мной!

Пусть на миг —
но он не забываем!
Пусть на пару слов —
их ждал не раз!
Главное, с тобой мы точно
знаем:
Что-нибудь получится у нас.

Андрей Тернов

Кашире

Вместе с тобой много лет
прожил я,
Но прошу, ответь неизведанная
Кашира,

Сколько тайны в твоей тишине,
Сколько неба в твоей вышине,
Сколько печали в твоих глазах,
Сколько счастья в твоих слезах,
Сколько мелодии в сердце
твоем,
Сколько на свете еще проживем,
Кашира!

Мы знаем...

Мы знаем, что мы знаем то,
что знаем,
И мы гордимся тем, что это мы
Смогли дойти до самых
до окраин,
Они важны нам больше,
чем нужны!

Мы знаем, что у нас своя дорога,
Мы знаем, что под знаком
сатаны,
Мы знаем, что нет в мире этом
Бога,
А если он и есть, то это мы!

Мы знаем, что мы знаем то,
что знаем,
Погоня за познанием чата!
И мы дошли до самого до края
Шагаем за черту.
А на черта!

Дева Музе

О, Дева озарений, Дева Муза!
Почему так долго не была!
Ты пришла — и нет на сердце
груза,
И душа буквально расцвела!

**Работать
или трудиться?**

Нам приходится в нашей были
Пресмыкаться, а не трудиться.
Что ж, животные ест и были —
Человекам пора бы родиться!

Человек —
что за странное слово!
Позабыли. Скорее, не знали.
Но твердим себе снова
и снова,
Что рабы мы машинной стали!

Мы считаем себя пассивными
И работать на власть
стареемся.
Власть — насилие!
Мы — изнасилованы!
Мы — не работаем,
а подставляемся!

Что же делать!
Извечный вопрос.
Задается он вновь и вновь.
Если работать — так на износ,
Если трудиться —
так на здоровье!

Антон Ялтов

Светлые дни

Я увидел ее впервые, когда она со своей
подругой поздним вечером по освещенной
аллее шла к корпусу в лагере «З».

Я работал тогда в охране, а в лагере —
первую смену. Обходя территорию, мы с
напарником заметили странное поведение
двух девушек, идущих вдалеке, и пошли
навстречу. Почуввав неладное, предложили
проводить. А они пригласили нас к себе.
Было очень интересно. Две милые девушки
на ковре, одна лежа, другая полусидя,
разделенные пламенем свечи и заворон-
ченные музыкой, объясняются друг с дру-
гом загадочными жестами и, маня к себе,
предлагают ширнуться. Мы отказались.
Выяснив название наркотика, решили его
нейтрализовать, предложив девушкам
прогуляться.
С этого момента одна пара отделяется от

другой. Девушку, с которой пошел я, звали
Наташей. Она работала в лагере библиотека-
рем. Мы смеялись, рассказывали истории, го-
ворили об увлечениях. Выяснилось, что, кро-
ме фильмов про наркоманов, ей нравятся те-
атр, медицина, шумные компании, книги, где
мир представляется в черном, а также встре-
чи с друзьями избранными — в общем, не-
обычное и с изюминкой.

Пренебрегая служебными обязанностями,
я не упустил возможности покинуть террито-
рию «З», чтобы оказаться вместе с Наташей
на тропинке, идущей сквозь темную рощу,
через поле к реке. Поскольку препарат еще
действовал, то в темных кустах, пнях и цветах,
что встречались на пути, ей стали видаться
призраки. А так как все это вызывало в ней
сильное замешательство, было очень приятно ее
успокаивать и обнимать.

Дорога к реке была не очень долгая, одна-
ко мы устали и, решив отдохнуть в роще, при-
сели на остатки дерева в том месте, где ста-
рые дубы кренились, создавая над нами уют.
А ночи тогда были ясные и светлые, вокруг
царила тишина, лишь иногда потрескивали ветки,
и, откуда-то издали доносилась песня под
гармошку.

Мы сидели в темноте, и я не видел Наташи-
ных глаз, но чувствовал их обжигающее оча-
рование. В этот момент упала звезда, свет
озарил на мгновение девушку, и я впервые за-
метил ее красоту: гордые черные глаза, ма-
ленький носик, четкие губы, волосы, туго за-
чесанные назад.
И вдруг ей снова почудилось, что в траве что-
то белое сидит и не движется. Тогда я поспло-
рил с ней на поцелуй: если это есть, целую я,
если нет — она. Она поспорила и поцеловала

меня в краешек губ. Увы, это был спор...
Мы пошли гулять дальше и, любуясь ноч-
ным летнем полем, вдыхали ароматы трав и
чувствовали тепло друг друга. Это было сча-
стье.

Впереди оказалась лужа, Наташе показа-
лось, что это речка. Я взял ее на руки и пе-
рenes. Мы подошли к обрыву и, присев на
край, умокнули. И мне так захотелось ее по-
целовать, что я вытерпел и поцеловал в
щеку, хотел поцеловать в губы, но она опе-
редила меня. Она целовалась так, как я ни с
кем прежде не целовался. Мне кажется,
слаще быть не могло.

Утром я зашел к ней в корпус. Она улыб-
нулась, сказав, что чувствует себя хорошо,
и я понял, что влюбился окончательно. Весь
следующий день мы провели вместе. Сме-
лясь, спорили, ссорились, мирились, цело-
вались, признавались друг другу в вещах, в
которых не стоило бы признаваться.
На следующий день я уехал, а когда вер-
нулся, ее уже не было. Больше я ее не ви-
дел.